

В. Б. Адамский и Московский договор

Ю. Н. СМИРНОВ

В. Б. Адамский и Ю. Н. Смирнов
в Марбурге (Германия), 1997 г.

В 1990 г. в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова вышла в свет на русском языке сенсационная книга – «Воспоминания» А. Д. Сахарова. Радиостанция «Голос Америки» сразу стала передавать ее текст. Одну из таких передач я случайно услышал, это была глава о совещании в Кремле и принятом Н. С. Хрущевым решении создать и испытать супербомбу в 100 мегатонн. Узнать, со слов Андрея Дмитриевича, как все происходило, было совершенно необычно. Я тут же позвонил Г. Н. Флерову и И. Н. Головину. О передачах радиостанции «Голос Америки» и о книге Сахарова они ничего не знали. Оба «загорелись», и мы договорились встретиться на следующий день в Жуковке, на даче Георгия Николаевича.

День выдался погожий. Георгий Николаевич встретил нас у электрички. Мы пошли вдоль леса. Естественно, наш разговор «крутился» вокруг Сахарова, неожиданной новости и был окрашен особым ожиданием и интересом, так как Андрея Дмитриевича уже несколько месяцев не было в живых и о написанных им объемистых «Воспоминаниях» не было известно.

Мы устроились на первом этаже в большой комнате с выходом в сад «непрерывного цветения», разбитый и ухоженный Анной Викторовной (женой Г. Н. Флерова). Обмениваясь репли-

ками, отпивая чай и кофе, включили приемник и стали ждать.

Передача началась в точно объявленное время. На сей раз это была глава о наших ядерных испытаниях 1962 г. и сопутствующих событиях. И вдруг зазвучало нечто неожиданное: «Летом 1962 г. (в действительности, весной 1963 г.) сотрудник теоретического отдела Виктор Борисович Адамский напомнил мне о предложении Эйзенхауэра и высказал мысль, что сейчас, возможно, подходящее время, чтобы вновь поднять эту идею. Его слова произвели на меня очень большое впечатление, и я решил тут же поехать к Славскому... Я изложил Славскому идею частичного запрещения, не упоминая ни Эйзенхауэра, ни Адамского; я сказал только, что это – выход из тупика, в который зашли Женевские переговоры».

Дело в том, что в конце 1950-х гг. Президент США Д. Эйзенхауэр в качестве компромисса предложил заключить соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия, сохранив, однако, право на испытания под землей. Но советское руководство отвергло эту идею как не отвечающую цели о полном запрещении ядерных испытаний.

«Цепочка» сработала мгновенно: Славский передал идею Малику – заместителю Громыко. Последний – Хрущеву. Но имя Виктора Борисовича, как впрочем, и тот факт, что к Сахарову заходил именно он и не просто «высказал мысль», а даже передал написанный им на эту тему проект письма Хрущеву – все это, как говорится, «выпало из кадра».

На заседании Президиума ЦК КПСС 25 апреля 1963 г. при обсуждении вопроса о договоре не присутствовали ни Сахаров, ни Малик, ни тем более В. Б. Адамский. Зато на заседании Президиума Хрущев представил идею Адамского уже как собственную мысль: «Я думаю, товарищи, что сейчас можно было бы пойти, в конце концов, на соглашение о запрещении испытаний в воздухе, под водой и обойти вопрос под землей, записать, что будем прилагать усилия и вести переговоры и пр., но подписать соглашение о прекращении испытаний только в атмосфере. Наши военные товарищи говорят, что на ближайшие годы мы не будем нуждаться в проведении испытаний в атмосфере».

Уже 5 августа 1963 г. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой был подписан. Он стал первым реальным шагом на пути к замедлению гонки вооружений между США и СССР, и в этом его уникальное значение.

Я не знаю ни одного факта в новейшей дипломатии, когда столь важная и успешная международная инициатива исходила бы не от профессионального дипломата или искусственного политического деятеля. Она, можно сказать, родилась в голове обычного человека, не связанного с тонкой переговорной дипломатической материей. Так что происшедшее – выдающийся личный результат в биографии Виктора Борисовича Адамского. Результат, который делает честь и всему коллективу ядерщиков в Сарове.

Конечно, важно, что идею Виктора Борисовича немедленно подхватил Андрей Дмитриевич и, придав ей своим авторитетом дополнительный вес, запустил «по высокому начальству». Будем, однако, справедливы: миссию, которую выполнил Сахаров, последовательно и в «том же объеме» исполнили и Славский, и Малик, и Громыко. Под словами Андрея Дмитриевича: «Я горжусь своей сопричастностью к Московскому договору» с полным правом могли бы подписаться все эти три высокопоставленных чиновника. Ведь, продолжая мысль Сахарова, Московский договор «сохранил сотни тысяч, а возможно, миллионы человеческих жизней – тех, кто неизбежно погиб бы при продолжении испытаний в атмосфере, под водой и в космосе. Но, быть может, еще важней, что это – шаг к уменьшению опасности мировой термоядерной войны».

Любопытно, что еще до «Воспоминаний», находясь в Горьком и обращаясь 22 октября 1986 г. к М. С. Горбачеву с личным письмом и надеждой о том, что «Вы сочтете возможным прекратить мою депортацию и ссылку жены», Андрей Дмитриевич даже зависил степень своего участия в подготовке договора и написал Горбачеву: «По моей инициативе Советское правительство предложило заключить договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Вы неоднократно отмечали значение этого договора».

Узнав по «Голосу Америки» об инициативе и идее Адамского в деле подготовки Московского договора, я при первой же возможности спросил Виктора Борисовича, почему он отмалчивается. Ответ был неожиданный: «Если бы я рассказал сам, мне никто не поверил бы... А теперь вполне

Ю. Н. Смирнов, Ю. А. Трутнев, Л. Д. Рябев, Д. Холлуэй, В. Б. Адамский, В. Б. Барковский на конференции, посвященной истории атомных проектов. Австрия, 1999 г.

достаточно, как об этом рассказал Андрей Дмитриевич». Я настаивал, что надо обнародовать все детали, но Виктор Борисович был неумолим. Когда же я спросил, не позволит ли он в таком случае заняться этим мне, он тут же согласился.

Случай (зато какой!) представился мне только весной 1994 г., когда, находясь в качестве эксперта в Нобелевском институте в Осло, я сделал подробный доклад об истории подготовки Московского договора и участии в этом В. Б. Адамского. Редакция главной норвежской газеты «Aftenposten» предложила мне нанести к ним визит и подготовить материал для публикации в их газете. Так, 19 апреля 1994 г., наряду с другими подробностями, был впервые обнародован проект письма В. Б. Адамского Хрущеву с ясной, убедительной мотивировкой своего предложения. Еще через полгода Виктор Борисович уже сам рассказал об этой истории.

Мне казалось, что исключительное значение Московского договора и ключевая роль Виктора Борисовича в его становлении, которая уже стала известна мировой общественности, дает мне возможность выдвинуть его кандидатом на Нобелевскую премию мира. Тем более, что после работы в Норвежском Нобелевском институте я официально получил право на подобную инициативу. Когда в июне 2002 г. в Москве состоялась Международная научная конференция «Холодная война и политика разрядки», собравшая не только ученых, но и видных дипломатов из нескольких стран, я решился.

Дело в том, что участником этой конференции, как и я, был один из руководителей Нобелевского института, с которым мне довелось сотрудничать. Мы с полной откровенностью обсудили возникшую проблему, и гость из Норвегии сказал мне, что, к сожалению, не видит никаких положительных перспектив. Ибо дело не в том, что кандидат в чем-то «не соответствует». Напротив. Но, увы, своеобразный лимит Нобелевских премий мира «по атомной тематике» уже с лихвой «израсходован»: лауреатами стали Лайнус Полинг, Андрей Сахаров и Джозеф Ротблат. Я уверен, если бы не суровые требования режима в 1960-е и 1970-е гг., когда даже фамилии сотрудников нашего коллектива не подлежали разглашению, перспективы у Виктора Борисовича были бы совершенно иные. Однако, плодотворная идея и проявленная им в самый подходящий момент инициатива теперь общеизвестны, признаны и стали фактом истории.

Когда разразилась война, он был 18-летним пареньком – студентом Московского университета. После известной паники 16 октября 1941 г. в Москве ему удалось добраться до Ашхабада. Именно здесь обосновался тогда физический факультет университета, и какое-то время Виктор Борисович жил в одной из переполненных комнат общежития вместе с Андреем Дмитриевичем. Однако вскоре судьба развела их. Виктора Борисовича призвали в армию, и он попал под Сталинград. Сильно обморозился.

После госпиталя и операции солдат Адамский был направлен уже в батарею 75-миллиметровых дивизионных пушек, которая, подобно другим таким же батареям на конной тяге, поддерживала пехоту, как тогда выражались, «огнем и колесами». До конца войны Виктор Борисович уже не расставался со своей батареей и в составе отделения разведки обеспечивал корректировку огня. Он прошагал тысячи километров по полям сражений. Благополучно дошел до Будапешта, но так и остался рядовым солдатом.

Как известно, враг в боевой обстановке особенно не любит корректировщиков артиллерийского огня и стремится уничтожить их в первую очередь. Однажды я заговорил об этом с Виктором Борисовичем и удивился его везению не только выжить в этом аду, но даже избежать ранений. Он без всякого пафоса заметил: «Это просто статистика. Кто-то должен остаться в живых. Мне повезло попасть в число счастливых...».

По окончании в 1950 г. Московского университета Виктор Борисович сразу попал в Саров, а

позднее стал сотрудником Андрея Дмитриевича. Можно представить себе, какая это была встреча! В «Воспоминаниях» Сахаров писал: «Он был весьма образованным человеком и, опять же, как большинство теоретиков, интересовался общеполитическими проблемами... Я любил заходить к нему поболтать о политике, науке, литературе и жизни в его рабочую комнатку у лестницы. Когда шла интенсивная работа над супербомбой, и мы с Виктором Борисовичем засиживались до полуночи, я практически на весь этот период "переселился" к нему, в его "комнатку". Мне посчастливилось поэтому быть свидетелем, а то и участником подобных неспешных бесед...».

Виктор Борисович боготворил Андрея Дмитриевича и не случайно, когда появилась возможность написать о нем, он опубликовал статью «Становление гражданина» – глубокую, одну из лучших работ не только в книге «Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове» (М.: Практика, 1996), но и вообще в литературе о Сахарове.

С появлением статьи «Становление гражданина», т. е. когда пришла пора «теперь об этом можно рассказать», Виктор Борисович стал довольно регулярно выступать в различных изданиях с яркими рассказами об отечественном атомном проекте, Ю. Б. Харитоне и других его участниках.

Я также опубликовал в тот период несколько статей. Привычка критического «разбора полетов», наши теплые отношения и взаимное доверие, сложившиеся еще в период работы над супербомбой, новые публикации – все это быстро перевело наши отношения в настоящую дружбу. И, как следствие, мы в соавторстве опубликовали несколько принципиальных работ.

Наша привязанность и уважение друг к другу развивались только по восходящей, какие бы драматические события ни складывались в стране и какого бы накала не достигали наши споры о политике или о сути очередной задуманной совместной работы. Жаркие дискуссии не разъединяли, а еще более сближали нас. Когда Виктора Борисовича не стало, я со всей остротой почувствовал, что потерял очень близкого человека...

СМИРНОВ Юрий Николаевич –
в.н.с. ГНЦ «Курчатовский институт»,
с 1960 по 1963 г. – сотрудник РФЯЦ-ВНИИЭФ